

НАУКОМЕТРИЯ В ОЦЕНКЕ ТВОРЧЕСТВА

УДК 001

DOI: 10.17223/2312461X/13/1

КАК УЧЕНЫЕ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ ОЦЕНИВАЮТ НАУКОМЕТРИЮ*

Игорь Святославович Филиппов

Аннотация. Статья посвящена широкому кругу вопросов, связанному с применением наукометрических методов в гуманитарных науках, прежде всего в истории, философии и филологии. Материалом послужили результаты анкетирования, проведенного среди ученых гуманитариев разного возраста, статуса, разной тематики исследования и различных позиций по этой проблеме. Применимы ли в принципе эти методы в гуманитарных науках, каковы аргументы за и против их применения, каков зарубежный опыт, насколько важны формальные рейтинги и индексы цитирования для ученого-гуманитария, насколько важно и реально публиковать свои исследования на иностранных языках (прежде всего на английском) и в иностранных журналах, включенных в зарубежные библиометрические базы данных, как это влияет на рейтинги исследователей и учреждений, какова с этой точки зрения специфика ученого-гуманитария, работающего в вузе, – вот примерный перечень вопросов, затронутых в данной статье.

Ключевые слова: наукометрия, экспертиза, библиометрические базы данных, индексы цитирования, импакт-фактор журнала, язык публикации

В основе настоящей статьи лежат впечатления и размышления от общения с коллегами (историками, философами, филологами) на тему совершенствования оценки преподавательской и научной деятельности в вузах и академических институтах. В январе 2016 г. в рамках проекта, поддержанного Институтом социальных, экономических и политических исследований (ИСЭПИ), было запущено социологическое исследование научного сообщества гуманитариев, подготовленное совместно с В.В. Сидоровой (аналитиком научного отдела исторического факультета МГУ) и С.В. Тумановым (профессиональным социологом, ведущим научным сотрудником философского факультета МГУ). Его предварительные результаты также используются в данной работе, как и некоторые публикации коллег на эту тему, отражающие самые разные точки зрения.

---

* Статья подготовлена в рамках проекта «Общественный статус ученого и наукометрическая оценка научной деятельности», при реализации которого используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

По условиям договора с ИСЭПИ в рамках проекта следовало проинтервьюировать 40 человек как «просто» практикующих ученых (так называемые глубинные интервью), так и тех, кого с большим или меньшим основанием можно считать экспертом в наукометрии, притом не «чистым» экспертом-методологом, но также практикующим ученым-гуманитарием. Предполагалось, что этого достаточно, чтобы составить представление о том, как воспринимают наукометрию ученые гуманитарного профиля и определенного статуса, начиная от кандидата наук в ранге доцента. Им всем было предложено ответить на одни и те же вопросы, содержащиеся в специально разработанном топик-гайде, т.е. анкете, позволяющей задавать дополнительные уточняющие вопросы, в зависимости от ответов на исходные базовые вопросы. Этот метод позволил гораздо лучше понять мнение респондента, но при ограниченном количестве опрошенных репрезентативность ответов оказалась, по сути, неизвестной величиной.

Авторы исследования отбирали для опроса людей разного возраста, ученого статуса, места работы и заведомо разных позиций. При этом некоторые коллеги, к кому мы обращались, были смущены количеством вопросов и отказывались от интервью, ссылаясь на нехватку времени, кто-то не хотел беседовать под диктофонную запись (непрерывное условие договора с ИСЭПИ), другие были готовы ответить только на некоторые вопросы, в том числе, по их словам, ввиду слабого знакомства с предметом. Однако многие охотно вступали в неофициальные беседы на некоторые темы наукометрии, иногда отвечая на отдельные вопросы из топик-гайдов, но чаще обсуждая в свободной форме какие-то заинтересовавшие их аспекты проблемы, в том числе и те, которые мы не собирались затрагивать. Полученные таким образом ответы и мнения (некоторые на редкость интересные) было бы некорректным «пристегивать» к полноценным интервью, взятым согласно описанному выше методу. Но они (как и новейшие публикации коллег о наукометрии) позволяют учесть позицию еще нескольких десятков человек, так что общее число выявленных мнений, пускай и не по всем вопросам, достигает порядка 100 человек. Я не посчитал возможным выбросить их, как говорят археологи, в отвал и решил использовать их наряду с интервью при написании этой статьи. Это моя личная позиция, не имеющая прямого отношения к договору с ИСЭПИ и к работе моих коллег по проекту. Представляю читателям основные результаты исследования.

Общее отношение к наукометрии

Все респонденты и просто собеседники согласны с тем, что и существовавшие ранее, и предлагаемые сейчас способы оценки научной деятельности неудовлетворительны, так как отличаются высокой степе-

нию формализма, неэффективны, не позволяют оценить работу сотрудника по достоинству, а значит, к тому же еще и несправедливы. Сходным образом, все согласны с тем, что какая-то оценка нужна, хотя высказывались редкие суждения о бесполезности формального оценивания вообще, поскольку, как сказал один из моих коллег по истфаку МГУ, «в научном коллективе и так знают, кто чего стоит».

При этом в таких вузах, как МГУ, где наукометрические методы еще находятся на стадии внедрения, настроения более оптимистические, связанные с надеждой на более справедливую оценку труда, тогда как, например, в Высшей школе экономики, где эти методы внедрены достаточно давно, можно услышать самые разные, в том числе критические, суждения о наукометрии как страдающей не меньшей необъективностью, чем экспертиза, не основанная на формальных показателях. Тем не менее никто из опрошенных не предложил вернуться к старой системе оценки, связанной с формализмом при прохождении конкурса (когда голосующие нередко даже незнакомы с конкурсантами и не имеют никакого представления об их работе и достижениях), или с отсутствием сколько-нибудь ясных критериев при назначении на должность, определении надбавок или выдвижений на премию.

Экспертиза или рейтинг?

Соотношение экспертизы и формального рейтинга актуально для всех наук, но в гуманитарных науках, обладающих большой спецификой (отсутствие возможности поставить эксперимент, особенность понятия «научный результат», неразрывная связь с культурой и т.д.), эта проблема стоит особенно остро (L'évaluation, 2011; Pansu, Dubois, Beauvois 2012; Gingras 2014). Вместе с тем все без исключения респонденты и собеседники склоняются к тому, что дилемма «экспертиза или рейтинг» в основе своей ложная и что оптимально, чтобы при оценке текста (исследователя, учреждения) в расчет принималось и то и другое. В зависимости от своих принципиальных позиций одни (и таковых оказалось большинство) уверены в том, что рейтинг может быть только дополнительным инструментом оценки, поскольку изобретенные пока инструменты пока несовершенны. Не споря с этим по существу, их противники справедливо указывают на то, что при стремительно растущем объеме печатной научной продукции квалифицированных и действительно независимых экспертов просто не хватит. В частности, объем их работы будет столь велик, что неизбежно станет вопрос об оплате этого труда, чего современное научное сообщество всячески старается избежать, и не только по финансовым соображениям, но и потому, что это в корне изменит отношения между подавшим текст на оценку (фактически на конкурс) и теми, кто будет его оценивать.

В связи с этим уместно сказать, что пресловутое peer review, т.е. «рецензия равных» (сплошь и рядом о профессиональном равенстве нет, конечно, и речи, но это другой вопрос), до сих пор является именно экспертизой. При этом рецензенту, по идее, не сообщается, кто автор (разве что он сам так или иначе не раскроет свое инкогнито), точно так же, как автор не знает, кто его рецензенты. Поэтому рецензент не может опереться на наукометрические данные об авторе и должен анализировать лишь его текст. Если peer review будет опираться на наукометрические, а значит, и всякие иные сведения об авторе, мир научных публикаций, науки вообще, изменится до неузнаваемости, и вряд ли в лучшую сторону. Например, решающим фактором при решении публиковать или не публиковать статью окажутся не ее качество, оригинальность подхода, новизна данных или главной идеи, а репутация и послужной список автора, который может и ошибаться, и повторяться, и просто исписаться.

И решительные, и более осторожные сторонники экспертизы (тем более ее противники) как главного средства определения качества работы в гуманитарных науках указывают на очень серьезные проблемы, связанные с ее организацией. Парадоксально, но одна из них – это соблазн опереться на тот же рейтинг, не так уж сильно отличающийся от анкеты, сделав его своим ориентиром (Миронов 2016). Создание действительно независимых и действительно компетентных жюри – дело сложное, ответственное и даже затратное, поскольку предполагает в ряде случаев приглашение к работе иногородних, может быть, и иностранных рецензентов. (Так поступают во многих зарубежных странах.) Но эти вопросы респонденты не рассматривали подробно.

Интервью выявили, в целом, слабую осведомленность многих респондентов о наукометрии, ее целях, эвристических возможностях, пределах и опыте применения, хотя опрашивались люди, которые по своему академическому статусу и служебному положению должны были бы иметь достаточно хорошее представление о предмете. Многие, не исключая экспертов, не смогли сообщить свои данные в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) или в иностранных базах данных. Почти никто не смог объяснить различия в наукометрических подходах Web of Science (WoS) и Scopus, их плюсы и минусы, в том числе для российского пользователя. Один респондент был убежден в том, что опубликовать статью в журнале, учтенном в Scopus, можно только за деньги.

Самое удивительное в данном блоке – это слабое и просто искаженное представление о РИНЦ. Оценки его различаются радикально, и я намеренно не буду цитировать его откровенно недоброжелательные характеристики, ограничусь же публикациями академического характера (Мотрошилова 2012; Гринёв, 2015; Сидорова 2016). Некоторые

респонденты и другие собеседники говорили о его низкой селективности, хотя в РИНЦ установлен заявительный принцип включения в базу данных Электронной библиотеки, а следовательно, селективность в данном случае нулевая, и сделано это вполне намеренно, чтобы по возможности учесть все публикации и отзывы на них. Мало кому оказалось известно, что недостатки, справедливо приписываемые РИНЦ, в частности разнообразное жульничество пользователей (картельный сговор нескольких авторов или журналов ради умножения количества ссылок друг на друга, дробление статей ради увеличения их общей массы и т.д.), характерны и для западных баз данных, и еще вопрос, где оно выражено сильнее (Игра в цифирь 2011¹; Грановский 2013).

Вместе с тем критики (или даже ненавистники) РИНЦ в большинстве своем не увидели его уникальных возможностей, прежде всего возможности создать максимально более полную базу данных о всевозможных публикациях (не только журнальных, что так важно для гуманитариев, делающих упор на монографии, тематические сборники статей, учебные пособия (Сидорова 2016), что позволяет узнать, например, кто еще занимается этой темой или кто цитирует мои работы. Это также возможность учесть публикации не только российских авторов, что за рубежом может быть в принципе интересно очень многим.

Опрос показал также нередко откровенно искаженное представление респондентов об использовании наукометрии за рубежом, даже о том, что наукометрия имеет разные обличья и что ситуация в этом смысле очень отличается от одной стране к другой. Мало кто оказался в курсе того, что в наиболее развитых странах, которые российским ученым обычно ставятся в пример (США, Великобритания, Германия, Франция), во всяком случае в их лучших вузах и институтах (Гарварде, Оксфорде, Берлине, Мюнхене, Сорбонне, французской CNRS и ряде иных), наукометрические методы вообще не используются в гуманитарных, да и во многих общественных науках. Многие коллеги из этих стран, с которыми удалось обсудить данный вопрос, вообще не слышали об этих методах, другие слышали, что они применяются в каких-то вузах («но точно не у нас»), третьи, сталкиваясь с попытками их внедрения, ведут с ними борьбу не на жизнь, а на смерть, причем оружием часто служит убийственная ирония (Modzelewski 2015). Все чаще звучит мысль, что в погоне за более высокими индексами цитирования и рейтингами (и связанными с ними бонусами) научные цели исследования отходят на второй план, что, публикуя статью в рейтинговом журнале, все больше авторов думает о повышении своего рейтинга, а не о поисках истины². Один из американских коллег объяснил мне, что наукометрия в гуманитарных науках применяется главным образом в так называемых wannabeuniversities (для человека, знающего английский язык, этот жаргонизм звучит как насмешка), т.е. в тех вузах, которые

желают стать настоящими университетами, таковыми не являясь, и стараются доказать, что они святее самого папы. Настоящие университеты делают ставку на экспертизу текста (вообще, ученые из лучших западных вузов читают много, вероятно, больше, чем сейчас в России) и анализ того, в каких именно издательствах, журналах и актах каких конференций публикуются их сотрудники. Внедрение индекса Хирша в гуманитарные исследования – это показатель слабости науки (и научного сообщества) в той стране, которая на это пошла. В конечном счете это показатель ограниченности национального суверенитета, поскольку ясно, что, например, Web of Science, учитывающий почти только англоязычные публикации (в 2016 г. они составляют 96,19%)³ и отдающий предпочтение журналам и издательствам из нескольких (далеко не всех!) англоязычных стран (или тех, что махнули рукой на свой родной язык и важные тексты публикуют на английском), автоматически ставит в невыгодное положение ученых, журналы и издательства из других стран⁴.

Все это стали понимать и на Западе, причем, вероятно, достаточно давно, просто до недавнего времени критика библиометрических методов оценки научного творчества там звучала менее громко, так что ее не слышали (или не пожелали услышать) в России, во всяком случае те люди, которые принимали решение по внедрению этих методов в нашей стране. Но после Лейденского манифеста 2015 г., подготовленного группой авторитетных ученых на основе серии взвешенных специальных исследований этой проблемы (Hicks, Wouters, Waltman et al. 2015; Beyond Bibliometrics 2014), уже нельзя делать вид, что данные методы совершенны и их критикуют лишь ретрограды и неудачники. Как идея библиометрия очень интересна и полезна, но в ее нынешнем виде она нуждается в очень серьезной доработке.

Проблема языка научных исследований стояла в интервью и неформальных беседах многопланово и очень остро. Все, конечно, согласны, что иностранные языки, и в первую очередь английский, знать хорошо. Но многие смиряются с тем, что его не знают вовсе или знают плохо, и ищут себе оправдания: раньше его плохо преподавали (и как только кандидатские минимумы сдали?); это не самое важное, что мне нужно знать, уж точно достаточно уметь читать; не дело специалиста писать на иностранном языке, я напишу по-русски, а переводчик переведет (но почему-то к переводчикам тоже редко обращаются); и вообще, почему русский язык перестал быть одним из международных на больших научных конференциях? Было очень удобно!

Именно слабое знакомство с иностранными языками, неспособность читать на них совсем или с достаточной легкостью лежат в основе соответствующих проблем многих коллег. Они попросту не знают, что делается в мировой науке, или знают об этом из вторых и третьих рук

(рецензии, обзоры, ссылки, выступления коллег-иностранцев на русском или в переводе на русский, рассказы российских коллег, знающих иностранные языки). Многие утверждают, что если заниматься чисто «внутрирусскими» темами, то иностранные языки бесполезны, так как иностранцы об этих темах не пишут, а если самому написать на эту тему, скажем, на английском, то и интереса за рубежом не будет, да еще и статью не опубликуют как неактуальную. Один из респондентов, известный филолог, знающий, кстати, много языков, привел пример: «рифма у Катенина». В этом есть свой резон, но другие коллеги указывают на то, что есть еще проблема метода. Мало кто пожелал конкретизировать свою мысль, но она ясна: например, археолог, изучающий Древнюю Русь, может почерпнуть у иностранных коллег сведения о новых методах исследования материальных останков, апробированных на другом географическом или хронологическом материале. Есть и другой довод: чтение работ зарубежных коллег расширяет научный горизонт, позволяет избежать многих ошибок и производить более корректные исторические сравнения.

Иностранные ученые, не владеющие русским языком, также могут вычитать у русского автора что-то интересное для себя, даже если оно не связано напрямую с их собственной областью исследований. Но в отличие от российского исследователя, им крайне редко придет в голову, что у российского коллеги они могут найти что-то интересное для себя, если только он не занимается профессионально Россией, причем данной конкретной проблемой. Поэтому написание на иностранных языках книг, статей, обзоров по российской тематике (прежде всего, но, конечно, не только по ней) чрезвычайно важно не только для саморепрезентации за рубежом отдельно взятого автора, но и для презентации российской науки в целом.

Этим, однако, проблема языка не исчерпывается. За немногими исключениями респонденты ушли от анализа более сложных ситуаций, возникающих, например, тогда, когда и российский, и иностранный ученый занимаются какой-то третьей страной, так что знание иностранцем русского языка становится чисто гипотетическим допущением. Иногда главным в работе оказывается не английский и даже не другой важный европейский язык, а, скажем, какой-нибудь азиатский язык, а на этом языке вообще не издаются журналы, входящие в Scopus или имеющие высокий импакт-фактор (The Past 2009; Огурцов 2012). Примером может служить работа отдела восточной философии Института философии РАН, сотрудники которого успешно печатаются в азиатских журналах, не имеющих веса в Scopus (Мотрошилова 2015: 136–137).

В вопросе о шансах российских ученых регулярно и на общих основаниях публиковаться в престижных зарубежных изданиях мнения ре-

спондентов и других коллег разделились. Очевидно, что многое в данном случае зависит не только от личного опыта, личных связей, статуса учреждения, в котором они работают, но также от тематики, которой они занимаются, от количества индексированных журналов в той или иной области знания, от степени политизированности их исследований, от многих других факторов.

Некоторые коллеги обнаружили неоправданно радужное отношение к последствиям перевода текстов российских авторов на английский или другой язык: если качественно переведут и опубликуют в престижном журнале, то на Западе этот текст обязательно прочитают и он повлияет положительно на реноме автора и репутацию российской гуманитарной науки, а может быть, даже скорректируют ход исследований за рубежом. Опыт многих коллег-гуманитариев показывает, что между публикацией российского автора, например, на английском языке и ее прочтением и реальной включенностью в мировую науку корреляция может быть очень слабой. Причин много, в том числе неординарный дискурс, нежелание дополнительной конкуренции и определенное отторжение российской науки. Но не только ее, конечно (см., например, мою статью о восприятии на Западе творчества выдающегося польского медиевиста и героя «Солидарности» Кароля Модзелевского (Филиппов 2004: 400–415)). Какова тенденция этого отторжения, мнения разделились: одни считают, что за последние годы, в связи с ухудшением международной обстановки, оно усилилось, другие этого ухудшения не ощущают, третьи признались в том, что ничего об этом не знают.

На мой взгляд, ситуация ухудшилась. При этом я исхожу из опыта ряда коллег, совпадающего в данном случае с моим собственным и соответствующего моим наблюдениям над тем, как во многих западных странах относятся к творчеству российских коллег, как прежних, так и нынешних. Много, видимо, зависит от того, какими именно сюжетами занимается автор. Сильно упрощая проблему, скажу так: если российский коллега изучает историю и культуру России, отторжение менее явное и может отсутствовать вовсе, особенно если он выбрал «правильный» дискурс и, по крайней мере, идейно и методологически интегрирован в западную науку. Попытки же российских авторов заняться историей зарубежных, особенно западных стран, где давно сложились свои, притом сильные историографические школы, воспринимаются часто снисходительно, а то и с недоумением; их не столько критикуют (много чести!), сколько игнорируют. Но если дискурс «правильный», точнее «единственно правильный», могут приветить и даже процитировать. Действительность, конечно, много сложнее, в ней масса нюансов, но схема эта ненадуманная.

Известно, что в ряде наших вузов стали поощрять рублем за публикации на английском языке, в том числе в изданиях, выходящих в Рос-

сии. К негодованию многих, кто полагает, что уж в России надо в подавляющем большинстве случаев печататься на русском или на других языках нашей страны. Негодующие отмечали и нередко очень низкое качество английского текста, вышедшего в России. Так нужно ли публиковаться на английском? Выше уже говорилось, что нужно, хотя бы для поддержания престижа страны, но не всегда. Несколько человек особо отметили, что дело недопустимо сводить к английскому. Специалисту по истории Германии или Китая интереснее печататься, соответственно, на немецком или китайском. И, конечно, история – лишь один из примеров.

Некоторые коллеги отмечали, что отказ от преимущественного использования в науке родного языка приводит к обеднению национальной культуры. Дело не только в слабеющей способности ученых изъясняться на родном языке и его засорении необязательными заимствованиями из других языков. Не менее важна категориальная структура того или иного языка, которая может не иметь и часто не имеет аналогов в других языках. Так, в известных мне иностранных языках отсутствует оппозиция понятий «истина» и «правда», столь важная для русской философии и русского мировоззрения в целом. Другой пример – практическая невозможность выразить на богатейшем английском языке столь важные для европейской континентальной юриспруденции различия между «правом» и «законом», между «владением» и «собственностью». Перевод, скорее всего, скроет от иностранного исследователя саму суть различия между этими понятиями. Похожие проблемы стоят не только в отношении русского языка и русской науки, но наш случай – один из самых ярких.

Специфика вузов, оценка преподавания

Одним из самых трудных для респондентов оказался вопрос о наукометрической оценке качества работы преподавателей. В несовершенстве существующей системы оценки убеждены все, с кем удалось побеседовать; как сделать ее более гибкой и адекватной, ответить оказалось намного сложнее. Словосочетание «экспертная оценка» работы исследователя (кафедры, факультета, вуза, НИИ) звучало при этом достаточно часто, в том числе из уст некоторых явных сторонников наукометрических методов, но как их следует сочетать не в теории, а на практике, и как повысить объективность экспертизы, для большинства коллег не ясно.

Вопрос о вузах и преподавателях возник в опросах потому, что в России, как и в других странах, считается естественным, что преподаватели не только преподают, но и занимаются научными исследованиями. Многие собеседники отмечали, что преподаватель, не занимаю-

щийся наукой, рано или поздно деградирует, перестает развиваться, повторяет устаревающие истины, теряет связь со студенческой аудиторией. Едва ли не все участники опроса и частных бесед выразили убеждение в том, что преподавание должно быть основано на результатах научных достижений и что это залог успеха как в подготовке кадров, так и в науке. Немало было сказано и о том, что в реальной действительности это не самое типичное явление.

При аттестации научные показатели преподавателя учитываются наряду с показателями его педагогической деятельности, причем, на мой взгляд, и не только мой, наметилась опасная тенденция ставить на первое место научную работу преподавателя, как будто передача знаний учащимся не является главной функцией вуза. Вместе с тем многие коллеги уверены, что хороший преподаватель – не обязательно хороший ученый, и наоборот. Один респондент привлек внимание к тому факту, что в преподавании нужны не только хорошие ученые, но и хорошие методисты, своего рода рабочие лошадки, отрабатывающие со студентами какие-то конкретные знания и навыки, например при проведении лабораторных или полевых работ и т.д. Они не менее нужны и полезны, чем настоящие ученые, в каковые они подчас не рвутся, несмотря на финансовые и престижные соображения. Словом, вузовская наука – дело особое, хотя и не отделенное от академической науки китайской стеной, вопреки тому, что иногда думают люди, от науки далекие.

В том, что касается наукометрии, соотношения экспертизы и рейтинга, положение вузовского ученого мало отличается от положения ученого из институтов РАН, разве что некоторым различием в научных нормативах (в вузах они, как правило, несколько ниже) и типах научной продукции. Так, от сотрудника РАН обычно не требуют написания учебников, учебных или учебно-методических пособий, а от преподавателей требуют, хотя далеко не только их. Подлинные различия касаются совсем других вопросов, не имеющих прямого отношения к наукометрии: выработки оптимального учебного плана, обеспечения его специалистами, определения нормальной педагогической нагрузки (что особенно актуально для провинциальных вузов, где она нередко зашкаливает, достигая 900 одних только аудиторных часов в год, что мало совместимо с ведением научной работы и даже с качественным преподаванием), особыми способами оценки качества именно педагогической деятельности. Некоторые респонденты выступают за студенческие оценки преподавателю в конце курса, считая, что это будет стимулировать его хорошо работать, другие категорически против этого, полагая, что преподаватели будут упрощать свои курсы, развлекать студентов, заигрывать с ними, не ставить на экзамене низких оценок и т.д. Едва ли не все выступавшие на эту тему отмечали, что это сложный вопрос и что студенческое анкетирование в любом случае не может

быть главным, тем более единственным способом оценить качество работы преподавателя. В числе других решений могли бы быть проведение мастер-классов, учет качества защищенных под руководством преподавателя дипломов и диссертаций, но эта группа вопросов не выделялась при интервьюировании, сами респонденты также касались ее неохотно.

Проблемы журналов

Проблема научных журналов – одна из самых острых и обсуждаемых в нашей науке. О ней охотно и подробно (хотя не всегда со знанием дела) говорили практически все опрошенные респонденты и другие коллеги.

За последние годы и даже месяцы в этой сфере российской науки произошли большие изменения, необязательно правильно понятые и осмысленные нашим научным сообществом (Функ 2016). Привычная оппозиция «ваковский журнал» и «не ваковский журнал» осложнилась вхождением в нашу жизнь других групп журналов, находящихся в причудливом соотношении с двумя упомянутыми выше группами. Это две зарубежные библиометрические базы данных: американская (Web of Science), созданная коммерческой корпорацией Thomson Reuters, и англо-нидерландская (Scopus) – продукт другой коммерческой корпорации – «Эльзевир», и как минимум одна библиографическая (Erih-plus), задуманная Европейским союзом и не ставящая своей целью отслеживать цитируемость входящих в нее журналов. Кроме того, в 2015 г. специальная комиссия РАН, опираясь на базу данных РИНЦ, создала так называемый Russian science citation index (RSCI), т.е. список журналов, объявленных качественными, и с туманным статусом регионального списка WoS, наряду с китайским, латиноамериканским, некоторыми другими. Предполагается, что лучшие журналы из этих региональных списков со временем войдут в основную коллекцию (Core collection) Web of Science. Когда это произойдет, кто именно и на каких принципах будет производить отбор, пока не ясно.

Создание RSCI – это, безусловно, шаг вперед, но только в контексте нашей внутренней ситуации, а именно возникновения национального индекса, отбор в который осуществлялся путем голосования экспертов (хотя сам отбор экспертов был неоптимальным). Но не надо обольщаться, что эта база данных является или вот-вот станет частью WoS, во всяком случае его «корневой», или «основной», частью (так называемой Core collection). Индекс Хирша и импакт-факторы высчитываются только по Core collection, все остальные региональные и прочие базы, например Emerging Sciences Citation Index, – по сути, непризнанные дети WoS. Кроме того, попытки приравнивать публикации в этих базах

к WoS в недобросовестных вузах и НИИ ведут к появлению так называемых журналов-хищников (*predatory journals*), которые не только требуют с автора деньги за публикацию, но и обещают ему индексацию в WoS.

Ситуация осложняется тем, что часть журналов из списка ВАК входит также в RSCI, часть не входит, и наоборот. Для российских авторов именно последнее обстоятельство, по-видимому, создает наибольшие трудности, так как непонятно, который из списков более важен и перспективен. При этом не надо забывать о журналах, не вошедших ни в тот, ни в другой список; их число измеряется четырехзначной цифрой, и для многих авторов это единственные периодические издания, где они имеют реальные шансы напечатать свои статьи и другие тексты, иногда очень неплохие.

Ряд респондентов говорили о том, что журналов в России (да и в мире, конечно) попросту слишком много, что нередко в них можно напечатать что угодно – иногда за деньги, иногда по знакомству, иногда из-за отсутствия чего-то лучшего, что в некоторых не практикуется не только анонимное, но и любое обсуждение поступивших статей, что редактирования фактически нет, тиражи ничтожны, выход нерегулярен, распространение оставляет желать лучшего. Вместе с тем отмечалось, что и в этих журналах иногда выходит что-то интересное и ценное (например, публикации источников) и что не всегда понятно, почему именно они остались за бортом, а примерно такие же по качеству издания вошли в список ВАК. Одновременно некоторые коллеги сетовали на закрытие хороших, по их мнению, журналов, например «Отечественных записок», и на трудности (в первую очередь финансовые) с открытием новых журналов, которые, как предполагается, должны быть лучше старых. Говорилось также об усилиях по включению тех или иных журналов в списки ВАК, RSCI и Scopus.

Ситуация осложняется тем, что российские ученые не могут просто положиться на авторитет зарубежных баз данных. Корневая, или центральная, база данных Web of Science (Core collection), состоящая из 7 тематически специализированных баз, почти исключительно англоязычная, хотя и претендующая на охват лучших журналов планеты (неразрешимое противоречие). Scopus учитывает журналы на самых разных языках, по крайней мере европейских, но анализ их национально-языковой принадлежности приводит к выводу о невысокой репрезентативности этой базы данных. Так, на 343 журнала, издаваемых в Нидерландах и учтенных Scopus, приходится 191 журнал, выходящий в Германии, и всего 63, выходящих во Франции⁵. Обескураживающе выглядит и распределение конкретных журналов по квартилям. Если французский журнал «*Annales. Economies. Sociétés. Civilisations*», считающийся большинством историков первым в мире по авторитетности, по-

мещен Scopus во второй квартиль, об объективности говорить не приходится.

По всей видимости, нужно некоторое время, чтобы ситуация хоть немного прояснилась. В сложившейся обстановке ни рейтинги, ни экспертиза, ни даже применение обоих инструментов анализа не решат автоматически эту проблему. Необходима забота руководства журнала о его репутации, не позволяющая печатать в нем всякую дрянь. Необходимо хотя бы некоторое единение научного сообщества, которое позволило бы навести порядок в этой ситуации. Необходима и воля власти, которая бы этот порядок узаконила⁶.

Интерес к науке в обществе

Обсуждение этой проблемы в интервью выявило как различные ее аспекты, так и различные мнения. Некоторые респонденты говорили об «антиинтеллектуальной атмосфере» в современном обществе, мешающей даже образованным людям интересоваться гуманитарными науками. Я говорил бы даже об определенной дегуманизации, притом не только естественнаучного или обществоведческого, но и гуманитарного знания, в котором нередко тон задают фактография, символизм или цифирь в ущерб философскому осмыслению материала. Это заметно даже в истории, не говоря о политологии, социологии, экономике... Однако высказывались и другие точки зрения. Сетую на общее падение культуры, на ослабление и самой способности читать сложные тексты, другие коллеги выражали убеждение (или надежду?), что интерес к гуманитарной науке в России достаточно велик, а за последние годы даже несколько вырос. Наиболее уверенно об этом говорили историки, указывая, впрочем, на точечный по преимуществу интерес к отдельным сенсационным событиям и на использование очень сомнительных источников для удовлетворения своего любопытства. Респонденты на удивление мало говорили о лженауке и ее засилье на книжном рынке и в СМИ, включая телевидение и Интернет, но мысль о трудностях, с которыми сталкивается специалист, пытающийся пробиться на радио или телевидение со своей передачей или повлиять на школьные программы, материалы ЕГЭ и просто круг чтения подростков и взрослых, прозвучала вполне отчетливо.

Некоторые респонденты приводили примеры, доказывающие, что к их дисциплинам или к гуманитарии в целом есть достаточно сильный и растущий интерес. Приводились и вполне убедительные факты, свидетельствующие о готовности ученых этот интерес удовлетворить. И все же анализ интервью оставляет впечатление подмены понятий: в стране, на мой взгляд, есть не столько интерес к гуманитарным наукам (разве что очень поверхностный и выражающийся по большей части в интере-

се к сенсациям, курьезам, «красивостям»), сколько объективная потребность в них общества и государства. Эта потребность обосновывалась рядом собеседников; некоторые из них делились своим опытом общения с представителями власти (иногда положительным, иногда нет), но такой опыт есть далеко не у всех. Прозвучала и мысль о том, что гуманитарий – это всегда антипод толпы и оппонент власти.

Оценка состояния науки. Конкуренентоспособность

Вопрос о состоянии гуманитарной науки в России и ее конкурентоспособности, по сравнению с ведущими и среднеразвитыми зарубежными странами, также выявил широкую палитру мнений, но цветовая гамма ответов специфична. Ни один из респондентов не высказался в том смысле, что «у нас все в порядке», что «мы впереди планеты всей». Вместе с тем некоторые из коллег выразили убежденность, что российская наука находится в глубоком кризисе, и, если и можно говорить о некотором движении вперед, то оно связано главным образом с четким следованием в фарватере западной науки, включая особенности ее организации, тематику, способы репрезентации и методы оценки труда ученых. Респонденты этой группы не объясняли, на какую именно из западных моделей управления наукой они ориентируются (а эти модели очень разные). Речь идет о некоей абстрактной западной модели. Главное – чтобы не так, как было и часто все еще есть у нас. Естественно, что именно эти коллеги являются наиболее убежденными сторонниками наукометрии в том виде, в каком она существует в России, и жесткой связи между наукометрическими показателями и заработком, хотя и они делали иногда некоторые существенные оговорки.

Кадровая проблема

Проблема кадров, одна из ключевых во все времена, удивительным образом не оказалась в центре внимания большинства респондентов. Справедливости ради, составители топик-гайдов, на которые опирались проводившие опрос, вполне сознательно не делали на нем акцент, хотя и поднимали вопрос о главных проблемах, стоящих перед нашей наукой, и исходили из того, что эта проблема – одна из важнейших. Зато в частных беседах, не под диктофон, она звучала очень часто.

Ларчик открывается просто. 1990-е гг. были, по понятным причинам, временем одновременно оттока немалой части квалифицированных кадров, как из вузов, так и из институтов РАН, и нежелания многих способных студентов и аспирантов избрать карьеру преподавателя или ученого. (Но уж кто решил остаться в это время в науке, точно не искал для себя особой выгоды.) В результате в кадровой «стене» наших

НИИ и вузов образовалась серьезная брешь, ощутимая по сей день. В большинстве наших научных институций сложилась ненормальная возрастная структура: меньшинство составляет молодежь до 30–35, иногда до 40 лет, большинство – люди за 60 лет, причем среди них немало тех, кому уже за 70 и даже за 80 лет. Ключевые административные посты заняты обычно последними, и очень редко кто-то из них уходит со своего поста по доброй воле, полагая, что надо уступить дорогу следующему поколению. Сегодня в гуманитарии доктора наук и в 50, и в 60 лет по большей части числятся в молодых и, за редкими исключениями, не имеют никаких шансов на какую-либо карьеру, даже самую скромную. Это влечет за собой разочарование, апатию, а иногда и уход с насиженного места куда-нибудь, где есть какая-то перспектива, даже мнимая. Естественно, что это приводит к дальнейшему ухудшению кадровой ситуации.

Диаметрально противоположная ситуация сложилась во многих новых вузах и НИИ или в таких, за которые «взялись». Здесь мало опытных сотрудников старшего возраста, докторов наук, людей с личной репутацией в науке, известных в стране, тем более в мире. Руководство состоит из молодых для науки людей (разумеется, понемногу стареющих), не имеющих достаточного опыта и авторитета для такой работы, но спешащих быстро защитить докторскую диссертацию, занять престижные и важные позиции, что благодаря административному ресурсу им не так уж редко удается без особого труда. В результате страдает качество и образования, и научной политики, часто и менеджмента. В гуманитарных науках, где требуются эрудиция, накапливаемая годами, и взвешенность суждений, и приобщенность к культуре как таковой, это особенно острый вопрос.

Как следствие, в обоих типах вузов и НИИ имеет место ненормальная кадровая ситуация. Исключения, конечно, есть, но это именно исключения. Эта проблема является одной из самых серьезных в нашей науке, и коллеги обсуждали ее охотно и весьма эмоционально. Использование наукометрических инструментов анализа оборачивается в данном случае двусмысленными результатами, поскольку и возраст автора, и занимаемые ими должности, позволяющие при желании подключить пресловутый административный ресурс и заметно улучшить свои показатели (особенно в РИНЦ, но в определенной мере и в западных библиометрических данных) и оставить таким образом далеко позади, может быть, и талантливую, но лишенную таких возможностей молодежь. Молодежь, однако, с большей легкостью, в том числе из-за лучшего знания иностранных языков и Интернета, подает заявки в западные рейтинговые журналы; здесь сказываются и психологические отличия поколений. В последние годы библиометрические базы данных стали внедрять новый, так называемый *m*-индекс, интересный прежде

всего молодым ученым. Он представляет собой индекс Хирша, разделенный на количество лет, прошедших со времени выхода в свет первой публикации автора. Он позволяет более объективно оценивать достижения молодых сотрудников, но не тех, кто на какое-то время ушел из науки или по каким-то причинам (подготовка крупного проекта?) временно перестал печататься. Экспертиза и в этом случае остается как минимум бесполезной.

Отношение к гуманитарным наукам в обществе

У нас не было возможности провести опрос на эту тему, что называется, среди людей «с улицы». Но мы посчитали небезынтересным узнать, что сами гуманитарии думают о том, как их воспринимают негуманитарии и люди, вообще не имеющие отношения к науке. В частности, мы задавали им вопрос, считает ли человек «с улицы» гуманитарные науки науками вообще или же это прерогатива естественных и точных наук (отдельные представители которых опрашивались нами как эксперты)? Ответ был однозначным и положительным: да, считает, хотя и полагает, что они обладают спецификой. Одни приводили примеры из своей жизненной практики, другие ограничивались констатацией. Те, что приводили примеры, говорили, что чаще всего неспециалисты вспоминали археологию, а также (необязательно употребляя это слово) палеографию и необходимость знать новые и древние языки, специальную терминологию других стран и времен.

Проблема этим, однако, не исчерпывается, поскольку за советский период некоторые гуманитарные и общественные дисциплины оказались скомпрометированы идеологизацией, утаиванием и передергиванием фактов и попросту профанацией. Не забудем, что для подавляющего большинства советских граждан, получивших высшее образование (исключая историков), знакомство с историей в вузе ограничивалось знакомством с историей КПСС, предметом интереснейшим, но преподававшимся даже на истфаке МГУ так, что преподавателей этой кафедры мы, как правило, за историков не считали. К науке их деятельность имела сомнительное отношение, поскольку наука ищет истину, а в данном случае она была известна с самого начала, будучи запечатлена в решениях последнего по времени Съезда или Пленума ЦК КПСС, которые надо было всего лишь раскрыть и подкрепить фактами или цитатами. Поэтому оскомину такая «история» наверняка набила изрядную. Похожие проблемы, хотя, наверное, все же в меньшей мере, существовали на философском, юридическом и экономическом факультетах. Сегодня многие преподаватели этого профиля стесняются своих публикаций тех лет и даже не включают их в списки добавляемых в РИНЦ работ, где некоторые из них, впрочем, присутствуют в силу действия

других механизмов пополнения базы данных РИНЦ. Как относиться к этим публикациям, для большинства современных историков не ясно.

Были (и есть) и другие проблемы, понижающие интерес к истории и иным гуманитарным наукам (при всем их различии и в этом вопросе), связанные, например, с подачей материала, нередко скучной, без подбора ярких фактов, биографических экскурсов, афоризмов, исторических анекдотов, столкновения методологических и историографических позиций, без изобразительного ряда и даже без карт (что, к слову, в хороших западных вузах считается абсурдом), наконец, без учета новой литературы и регулярного обновления курсов. Во всяком случае, этим грешат многие лекторы, да и авторы книг тоже. Все это не могло не сказаться отрицательно на имидже российских гуманитарных наук. Но об этом у нас не принято говорить, и это также отмечали некоторые коллеги. Приводилось немало фактов в пользу того, что в этом отношении ситуация, в целом, меняется к лучшему. Налицо реально происходящие подвижки. При всех проблемах гуманитарных наук, о которых говорилось или не говорилось выше.

Социальная роль ученого

Подавляющее большинство опрошенных коллег согласны в том, что социальная ответственность ученого-гуманитария велика и что ученым следует больше делать для общества, чем они делают сегодня. Однако представления о том, что именно должен делать ученый-гуманитарий в этом смысле, оказались весьма различными. Многие считают, что задача ученого состоит главным образом в том, чтобы качественно делать свою работу, не допуская халтуры, повторов, плагиата. Некоторые, но на удивление немногие, говорили о необходимости противостоять лженауке, стремящейся подменить собою науку настоящую. Многим близка мысль о необходимости писать также для широкой аудитории, по возможности выступать перед нею в СМИ, на всевозможных интернет-форумах. Преподаватели, не ставя под сомнение сказанное выше (некоторые из них пишут научно-популярные работы, выступают на различных площадках вроде Polit.ru и на телевидении), упор делали на качественном преподавании и качественной подготовке научных кадров, считая, что в этом в первую очередь и должна проявляться их профессиональная и гражданская ответственность. Единичные случаи непонимания самой постановки вопроса, выразившиеся в утверждениях о том, что это у государства есть ответственность перед учеными (но никак не наоборот), в первую очередь адекватно финансировать науку, возможно, объясняются как раз тем, что ученые-преподаватели убеждены в том, что свою работу они делают хорошо, а значит, выполняют долг перед обществом. Почти никто не сформулировал мысль о том,

что ученые-гуманитарии могли бы, в рамках своих экспертных знаний, помочь государству в решении конкретных проблем или в разработке и реализации средне- или долгосрочной политики.

Некоторые собеседники справедливо отмечали, что деятельность такого рода будет отвлекать их от собственно научной работы, а следовательно, отрицательно скажется на их наукометрических показателях, а значит, и на профессиональных позициях. Конечно, расширение связей, приобретение большей известности могут обернуться улучшенным доступом к престижным журналам и издательствам, но это все-таки из области предположений. Реальность же такова, что в создавшихся условиях более активная социальная позиция исследователя влечет за собой снижение его формального рейтинга и ухудшение его социальных показателей. Но это противоречие, видимо, неизбежно.

Финансирование

Все без исключения респонденты указывали на недостаточное финансирование, притом не только на низкий уровень зарплат, но и на сложности приобретения новой литературы (даже российской), на проблемы проведения конференций, в том числе в России, не говоря уже о других странах, приглашения с лекциями отечественных и иностранных ученых с именем, на работу экспедиций, на оборудование. С учетом экономического кризиса как реальности многие делали акцент на перераспределении выделенных государством средств и их более рациональном использовании.

Среди наиболее часто звучавших в этой связи мыслей – мысль о сокращении бюрократического аппарата, которое к тому же разгрузило бы ученых, как они считают, от массы ненужной, часто повторно запрашиваемой работы, которую неизбежно требует разбухающая на глазах бюрократия. И всегда срочно, срочно, срочно!

Менее четко выраженная, но популярная среди моих собеседников мысль связана с необходимостью уточнить приоритеты научных исследований и сопутствующих им расходов – между вузами, факультетами, кафедрами, лабораториями и даже индивидами. Некоторые коллеги говорили при этом о целевых программах, которые бы позволили сбалансировать существующие сегодня затраты, заполнить лакуны, запустить новые важные проекты.

Возможность сколько-нибудь активной спонсорской помощи или участия бизнеса оценивается респондентами скептически (хотя отдельные случаи помощи указывались). Доминирующая мысль: это не естественные, тем более не прикладные науки, способные быстро принести прибыль, значит, это не для нас. Подавляющее большинство участников опроса надеется на государство, в намного меньшей степени – на коммерческие проекты своих учреждений и, разумеется, на самих себя.

* * *

Большинство преподавателей и научных работников обнаружили желание гораздо больше, чем сейчас, участвовать в решении названных выше проблем, будь то разработка критериев оценки их труда, составление научных и учебных планов их подразделений, определение перечней качественных и некачественных журналов и издательств и распределение выделенных государством или заработанных ими же средств. Конечно, все это имеет самое непосредственное отношение к внедрению оптимальной независимой экспертизы и оптимальных, хорошо продуманных наукометрических показателей. Увязка личного рейтинга с карьерным ростом, получением всевозможных надбавок, премий и других бонусов, в том числе академических отпусков для завершения важной работы, упоминалась не раз как актуальная проблема. Вместе с тем звучала мысль и о том, что нас почти никогда не спрашивают, что, на наш взгляд, надо делать, а нам есть, что сказать, и мы могли бы принести стране немалую пользу. За этой позицией угадывается представление о личной или корпоративной ответственности перед обществом за вверенное им дело, высокая оценка этого дела, неудовлетворенность тем, как его ведет бюрократия (в том числе факультетская, институтская и иные) и ощущение недоиспользования своих знаний, навыков и способностей в решении социальных проблем страны.

Примечания

¹ Подборка статей зарубежных авторов, специализирующихся в математике, или выдержек из них, в которых на конкретных примерах анализируются, в частности, методы такого жульничества.

² Об этом пишут и некоторые российские авторы. См., например: (Шестакова 2016).

³ Данные по Web of Science доступны по адресу: http://apps.webofknowledge.com/RA-More.do?product=WOS&search_mode=AdvancedSearch&SID=N1hJa1X8EtO4nctCkQw&qid=1&ra_mode=more&ra_name=Language&colName=WOS&viewType=raMore См. также: Костылев П.Н. Научные публикации российских ученых: проблемы и решения. URL: <http://narexpert.ru/wp-content/uploads/2015/12/Kostilev-N.P.pdf>

⁴ Об этой проблеме говорят все чаще. См., например: Hicks D., Wouters P., Waltman L., Rijcke S. de, Rafols I. Bibliometrics: The Leiden Manifesto for research metrics // Nature. April 23. 2015 (vol. 520). P. 429–431 (пер. А.А. Исэрова). URL: <http://www.igh.ru/about/news/1053/>

⁵ Данные члена-корреспондента РАН А.И. Иванчика, обнародованные на Совете по науке Министерства науки и образования 31.03.2016.

⁶ В целом о ситуации в этой области науковедения и о возможностях использования наукометрических показателей при оценке продукции научных журналов и других научных публикаций см.: (Функ 2016).

Литература

Грановский Ю.В. Второе пришествие наукометрии в Московский университет // Естественнонаучное образование: вызовы и перспективы / Под общ. ред. В.В. Лунина и Н.Е. Кузьменко. М.: Изд-во МГУ, 2013. С. 255–267.

- Гринёв А.В. Некоторые размышления университетского историка о проблемах наукометрии // Историческая экспертиза. 24.09.2015. URL: http://istorex.ru/page/grinyov_av_nekotorie_razmishleniya_universitetskogo_istorika_o_problemax_naukometrii (дата обращения: 12.03.2016).
- Игра в цифирь, или Как теперь оценивают труд ученого (Сборник статей о библиометрике) / Под общ. ред. А.Н. Паршина. М.: МЦНМО, 2011.
- Костылев П.Н. Научные публикации российских ученых: проблемы и решения. URL: <http://narexpert.ru/wp-content/uploads/2015/12/Kostilev-N.P.pdf> (дата обращения: 12.03.2016).
- Мионов В.В. Противоречивость реформ российского образования // Поиск. Альтернативы. Выбор. 2016. № 1 (1). С. 42–57.
- Мотрошилова Н.В. Недоброкачественные сегменты наукометрии // Идеи и числа. М., 2015. С. 117–141.
- Мотрошилова Н.В. Система РИНЦ применительно к философским наукам // Измерение философии. Об основаниях и критериях оценки результативности философских и социогуманитарных исследований / Сост. и отв. ред. А.В. Рубцов. М.: ИФРАН, 2012. С. 76–98.
- Огурцов А.П. Импакт-фактор: его возможности и изъяны // Измерение философии. Об основаниях и критериях оценки результативности философских и социогуманитарных исследований / Сост. и отв. ред. А.В. Рубцов. М.: ИФРАН, 2012. С. 184–191.
- Сидорова В.В. Использование РИНЦ для оценки научной деятельности гуманитариев // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 27–39.
- Филиппов И.С. Варварская Европа, «Солидарность» и цивилизованный Запад: заметки о книге: Modzelewsky K. *Barbarynska Europa*. Warszawa: Wydawnictwo Iskry, 2004 // Средние века. 2010. Вып. 71 / 3–4. С. 400–415.
- Функ Д.А. Наукометрия в оценке качества публикаций в социальных и гуманитарных науках // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 8–26.
- Шестакова М.А. Точность количественных показателей под вопросом. URL: <http://socrat-online.ru/page/tochnost-kolichestvennyh-pokazatelej-pod-voprosom> (дата обращения: 12.03.2016).
- Beyond Bibliometrics: Harnessing Multidimensional Indicators of Scholarly Impact* / Eds. B. Cronin, C. Sigimoto. Cambridge (Mass.): MIT Press, 2014.
- L'évaluation de la recherche en sciences humaines et sociales. Regards de chercheurs* / Coord. P. Servais. Louvain-la-Neuve: Bruylant-Academie, 2011.
- Gingras Y. Les dérives de l'évaluation de la recherche: du bon usage de la bibliométrie. Paris: Raisons d'agir, 2014.
- Hicks D., Wouters P., Ludo Waltman, Rijcke S. de, Rafols I. Bibliometrics: The Leiden Manifesto for Research Metrics // Nature. 2015. April 23 (vol. 520). P. 429–431; пер. А.А. Исэрова. URL: <http://www.igh.ru/about/news/1053/> (дата обращения: 12.03.2016).
- Modzelewski K. Wolna myśl w jarzmie liczydeł // Polityka. 9.06.2015.
- Pansu P., Dubois N., Beauvois J.-L. Dis-moi qui te cite et je saurai ce que tu vaux: Que mesure vraiment la bibliométrie? Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 2013.
- The Past, Present, Future of the Impact-Factor and other Tools of Scientometrics*. Warsaw: Polish Academy of Sciences, 2009.

Статья поступила в редакцию 25 апреля 2016 г.

Filippov Igor S.

HOW SCIENTISTS IN THE HUMANITIES ASSESS SCIENTOMETRICS*

Abstract. The article discusses a wide range of issues associated with the use of scientometric methods in the humanities, for example in history, philosophy, and philology. It draws on the results of a survey conducted among humanities scholars of different ages and statuses who

deal with different research topics and have different attitudes to the problem. Are these methods in fact applicable in the humanities; what are the pros and cons as to their use in this regard; what does international experience tell us about this; how much important are the rankings and citation indices for a humanities researcher; how important and feasible is it to publish in foreign languages (first of all, in English) in international journals included in foreign bibliometric databases; how does it influence scholars and institutions' ratings; what is the specifics of what humanities scholars employed at the university do – these are some of the questions the article seeks to explore.

Keywords: scientometrics, examination, bibliometric databases, citation indices, journal's impact-factor, language of publication

DOI: 10.17223/2312461X/13/1

*The article is prepared in the framework of the project titled 'The scholars' public status and the scientometric evaluation of scientific research', implemented with state grant support provided in accordance with Russian President's decision # 79-rp dated 01.04.2015, on the basis of a competition held by the Foundation – Institute of Socio-Economic and Political Researches (ISEPR Foundation).

References

- Beyond Bibliometrics: Harnessing Multidimensional Indicators of Scholarly Impact*. Eds. B. Cronin, C. Sigimoto. Cambridge (Mass.): MIT Press, 2014.
- L'évaluation de la recherche en sciences humaines et sociales. Regards de chercheurs*. Coord. P. Servais. Louvain-la-Neuve: Bruylant-Academie, 2011.
- Gingras Y. *Les dérivés de l'évaluation de la recherche: du bon usage de la bibliométrie*. Paris: Raisons d'agir, 2014.
- Hicks D., Wouters P., Ludo Waltman, Rijcke S. de, Rafols I. Bibliometrics: The Leiden Manifesto for Research Metrics, *Nature*. 2015, April 23 (vol. 520), pp. 429–431. (Accessed 12.03.2016).
- Modzelewski K. Wolna myśl w jarzmie liczydeł, *Polityka*, 09.06.2015.
- Pansu P., Dubois N., Beauvois J.-L. *Dis-moi qui te cite et je saurai ce que tu vaux: Que mesure vraiment la bibliométrie?* Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 2013.
- The Past, Present, Future of the Impact-Factor and other Tools of Scientometrics*. Warsaw: Polish Academy of Sciences, 2009.
- Granovskii Iu.V. Vtoroe prishestvie naukometrii v Moskovskii universitet [The second coming of scientometrics to a Moscow university], *Estestvennonauchnoe obrazovanie: vyzovy i perspektivy* [Science education: challenges and prospects]. Ed. by V.V. Lunina and N.E. Kuzmenko. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2013, pp. 255–267.
- Grinev A.V. Nekotorye razmyshleniia universitetskogo istorika o problemakh naukometrii [Some thoughts of a university historian on issues in scientometrics], *Istoricheskaia eksperiza*, 24.09.2015. Available at: http://istorex.ru/page/grinyov_av_nekotorye_razmyshleniya_universitetskogo_istorika_o_problemax_naukometrii (Accessed 12.03.2016).
- Igra v tsyfir' ili kak teper' otsenivaiut trud uchenogo (Sbornik statei o bibliometrike)* [The numbers game or how researcher's work is to be evaluated from now on (a collection of articles about bibliometrics)]. Ed. by A.N. Parshina. Moscow: MTsNMO, 2011.
- Kostylev P.N. *Nauchnye publikatsii rossiiskikh uchenykh: problemy i resheniia* [Russian scientists' scientific publications: problems and solutions]. Available at: <http://narexpert.ru/wp-content/uploads/2015/12/Kostilev-N.P.pdf> (Accessed 12.03.2016).
- Mironov V.V. Protivorechivost' reform rossiiskogo obrazovaniia [Some controversies in the reforms of Russian education], *Poisk. Al'ternativy. Vybor*. 2016, no. 1 (1), pp. 42–57.
- Motroshilova N.V. Nedobrokachestvennye segmenty naukometrii [Non-benign segments of scientometrics], *Idei i chisla* [Ideas and numbers]. Moscow, 2015, pp. 117–141.

- Motroshilova N.V. Sistema RINTs primenitel'no k filosofskim naukam [The RSCI in philosophy], *Izmerenie filosofii. Ob osnovaniakh i kriteriiakh otsenki rezul'tativnosti filosofskikh i sotsiogumanitarnykh issledovaniy* [Measuring philosophy. On the foundations and criteria in the evaluation of research results in philosophy, social sciences, and the humanities]. Ed. and compiled by A.V. Rubtsov. Moscow: IFRAN, 2012, pp. 76–98.
- Ogurtsov A.P. Impakt-faktor: ego vozmozhnosti i iz"iany [The impact-factor: its potential and deficiencies], *Izmerenie filosofii. Ob osnovaniakh i kriteriiakh otsenki rezul'tativnosti filosofskikh i sotsiogumanitarnykh issledovaniy* [Measuring philosophy. On the foundations and criteria in the evaluation of research results in philosophy, social sciences, and the humanities]. Ed. and compiled by A.V. Rubtsov. Moscow: IFRAN, 2012, pp. 184–191.
- Sidorova V.V. Ispol'zovanie RINTs dlia otsenki nauchnoi deiatel'nosti gumanitariyev [The use of Russian Science Citation Index in the evaluation of humanities research], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2016, no. 1, pp. 27–39.
- Filippov I.S. Varvarskaia Evropa, "Solidarnost'" i tsivilizovannyi Zapad: zametki o knige: Modzelewsky K. Barbarynska Europa. Warszawa: Wydawnictwo Iskry, 2004 [The barbarian Europe, 'Solidarity', and the civilized West: notes on a book: Modzelewsky K. Barbarynska Europa. Warszawa: Wydawnictwo Iskry, 2004]. *Srednie veka*, 2010, Vol. 71 / 3–4, pp. 400–415.
- Funk D.A. Naukometriia v otsenke kachestva publikatsii v sotsial'nykh i gumanitarnykh naukakh [Scientometrics and evaluation of publications in social sciences and humanities], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2016, no. 1, pp. 8–26.
- Shestakova M.A. *Tochnost' kolichestvennykh pokazatelei pod voprosom* [The accuracy of quantitative indicators questioned]. Available at: <http://socrat-online.ru/page/tochnost-kolichestvennyh-pokazatelej-pod-voprosom> (Accessed 12.03.2016).